

А.А. ЭНДРЮШКО

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: АДАПТАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И УСТАНОВКИ НА ИНТЕГРАЦИЮ

ЭНДРЮШКО Анна Александровна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (anna.endryushko@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу адаптации в российском обществе и интеграционных установок двух групп внешних мигрантов: образовательных и молодых трудовых (возраст 16–30 лет). На материалах трех социологических исследований граждан из постсоветских государств (2017, 2020, 2023 гг.) рассматриваются социально-экономические и социокультурные аспекты адаптации в российском обществе образовательных и трудовых мигрантов, сравниваются их установки на интеграцию, которые предполагают не только желание оставаться жить в России, но и поиск точек соприкосновения между родной культурой и культурой принимающего общества. Показано, что по ряду показателей (основным из них является хорошее знание русского языка) образовательные мигранты лучше адаптируются к принимающему социуму, чем трудающаяся иностранная молодежь. У них более долгосрочные планы в России, а намерения идут дальше поверхностного приспособления. В то же время, имея социальный капитал, они более требовательны к социальной среде, которая будет окружать их в новом обществе. Их планы могут быть более гибкими и ситуативными, чем у трудовых мигрантов, в том числе относительно переориентации на другие страны.

Ключевые слова: иммиграция • образовательная миграция • трудовая миграция • адаптация мигрантов • интеграционные установки • иностранные студенты • общероссийская идентичность • межэтнические установки

DOI: 10.31857/S0132162524120069

Введение. Значительная доля мировых миграционных потоков (они достигли 281 млн человек¹) приходится на молодежь², чье передвижение имеет важное демографическое, экономическое, социальное и культурное значение. «Беспрецедентные подвижности» молодых людей порождает сфера образования [Kong, 2013]. Число иностранных студентов в мире достигло 6,39 млн человек³, лидерами по их приему являются США, Великобритания, Канада, Франция, Австралия, Германия⁴.

---

¹ International organization for migration. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive/> (дата обращения: 21.05.2024).

² Возрастные границы понятия «молодежь» различаются в миграционной статистике и терминологии разных стран, поэтому сложно оценить масштабы этого явления. По данным ООН, в 2019 г. 14% всех международных мигрантов (около 38 млн человек) были в возрасте до 20 лет. См.: World migration report. 2020. Р. 236. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 21.05.2024).

³ World migration report. 2024. Р. 40. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (дата обращения: 21.05.2024).

⁴ Global Flow of Tertiary-Level Students. Institute for Statistics UNESCO. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 21.05.2024).

Россия также является принимающей страной для иммигрантов трудовых и образовательных. В 2022 г. она заняла шестое место в мире по количеству иностранных студентов (более 350 тыс. человек). За последние годы их число планомерно увеличивалось⁵. Целевым показателем к 2030 г. является цифра в 500 тыс.⁶

В ситуации демографических (убыль населения) и экономических (дефицит рабочей силы) вызовов, с которыми сталкивается Россия, трудовая и образовательная миграция в Концепции миграционной политики⁷ обозначается как важная для страны. В отличие от трудовой миграции, особенно низкоквалифицированной, отношение к которой в принимающем обществе часто неоднозначно (порой враждебно), студенты из других государств воспринимаются более положительно, поскольку предполагается, что образовательная миграция ограничена сроком обучения, после которого иностранные студенты покинут страну или будут заняты в экономике как высококвалифицированные специалисты. Негативный дискурс в российских СМИ, особенно актуализировавшийся вокруг вопросов национальной безопасности в последние месяцы, направлен исключительно на трудовых иммигрантов, иностранные студенты в нем не фигурируют.

Иностранные студенты и трудовые иммигранты – группы с разными целями миграции, социальным капиталом, жизненными планами. Сравнительный анализ процессов адаптации этих групп мигрантов, выявление общих и специфических проблем, с которыми они сталкиваются, позволяет глубже понять специфику их встраивания в российское общество и разработать более эффективные меры государственной миграционной политики.

Исследования внешней образовательной миграции в России довольно распространены и затрагивают такие темы, как адаптация иностранных студентов к российским вузам [Ишкинеева и др., 2017] и влияние международной миграции на учебные заведения страны [Лебедева, 2022], образовательные траектории [Деминцева, 2016] и карьерные планы иностранцев [Хороших, Логачева, 2021], потенциал учебной миграции из стран СНГ в Россию [Гаврилов и др., 2012; Полетаев, 2012; Полетаев и др., 2014]. Уделяется внимание правовым аспектам образовательной миграции [Скоробогатова, 2021; Шитова, 2020]. Обсуждается образовательная миграция в контексте пандемии COVID-19 [Рязанцев, Очирова, 2021; Тарадина и др., 2021].

Несмотря на широкое изучение образовательной миграции, за редким исключением отсутствуют исследования, в которых бы сравнивалась адаптация и интеграция образовательных и трудовых мигрантов. В качестве исключений можно назвать исследование А.Л. Рочевой и Е.А. Варшавера [2020], посвященное планам на переезд иностранных студентов, работающих мигрантов, мигрантов второго и полуторного поколения и местных жителей. Авторы концентрируются на этнической принадлежности респондентов и миграционном бэкграунде⁸, анализируя факторы, влияющие на миграционные намерения. Выявлено, что иностранные студенты рассматривают образование и как возможность остаться в стране приема, и как «трамплин» для дальнейшей миграции в более экономически развитые страны. Значимым фактором миграционных намерений для работающих иностранцев выступает доход, для обучающихся – уверенность, что они смогут найти хорошую работу [там же]. Следует упомянуть исследование социально-психологической

⁵ Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. Министерство образования и науки РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 23.05.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 07.10.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/copy/58986> (дата обращения: 07.10.2024).

⁸ Наличие гражданства РФ для категории «мигранты» включается в регрессионную модель как один из факторов. Сделан вывод о его незначимости в вопросах миграционных намерений.

направленности [Краснощеченко, Ковдюк, 2015], в котором на основе личностных тестов анализируется социальная адаптация студентов-мигрантов и трудовых мигрантов (без поправки на возраст последних). Делается вывод о более высоком уровне адаптированности студентов-иностранных по сравнению с иностранными работниками. Такой результат авторы объясняют сложившейся в последние годы в российских вузах практикой адаптации студентов-первокурсников, которая для иностранцев «облегчает и ускоряет вхождение в новую социокультурную среду вуза и региона, снижает стресс аккультурации...» [там же: 40].

В нашем исследовании мы хотим сравнить адаптацию в российском обществе и установки на интеграцию образовательных мигрантов и трудящейся иностранной молодежи (16–30 лет) из постсоветских стран. Мы предполагаем, что, во-первых, иностранные студенты лучше адаптируются к принимающему обществу, чем трудящаяся молодежь из числа мигрантов в силу наличия большего социального капитала (программы по адаптации в образовательном учреждении, поддержка родителей на период обучения); во-вторых, образовательные мигранты имеют более долгосрочные планы в принимающей стране по сравнению с трудовыми ввиду преференций в получении российского гражданства для получивших высшее образование в России.

Эмпирическая база и методология. Миграция, связанная с обучением, может быть обозначена разными терминами в зависимости от типа образования и его уровня. В данном исследовании мы используем понятие «образовательная миграция» как расширенный формат миграционного потока, связанного с получением образования в широком смысле (на любой образовательной ступени). Мы сравниваем образовательных мигрантов из постсоветских государств с молодыми трудовыми мигрантами (в возрасте 16–30 лет)⁹ из этих же стран. Эмпирическую основу составили данные нескольких социологических исследований: 1) опрос иностранных граждан из постсоветских государств, проведенный Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) для НИУ ВШЭ в Московском регионе в 2023 г. Общая выборка составила 3 533 чел., в том числе 80 образовательных мигрантов и 1 682 молодых трудовых мигранта; 2) опрос иностранных граждан из постсоветских государств, проведенный сотрудниками Сектора изучения миграционных и интеграционных процессов ИС ФНИСЦ РАН совместно с НИУ ВШЭ в июне 2020 г. Общая выборка – 2 956 чел., в том числе 155 образовательных мигрантов и 239 молодых трудовых мигрантов, находящихся на время опроса в РФ¹⁰; 3) опрос иностранных граждан из постсоветских государств, проведенный ЦЭПРИ для НИУ ВШЭ по общероссийской выборке в 2017 г.¹¹ Общая выборка составила 8 577 чел., в том числе 197 образовательных и 3 531 молодой трудовой мигрант.

Все три исследования проведены по квотной выборке и сходной анкете¹². Различались техники опроса: опрос 2017 г. – PAPI (Paper Assisted Personal Interview); опрос 2020 г. – CAWI (Computer Assisted Web Interviewing); опрос 2023 г. – CATI (Computer Assisted Telephone Interview).

Итоговая выборка составила 432 образовательных мигранта (далее – ОМ) и 5 452 молодых трудовых мигранта (далее – ТМ). Тип миграции в исследовании определен по роду занятий. Индикатором служили ответы на вопрос: «Чем вы занимаетесь в России?»

⁹ В данной статье автор использует термины «иммигрант» и «мигрант» как синонимы, поскольку контекст исследования уточнен.

¹⁰ Поскольку опрос проходил в период пандемии коронавируса, часть респондентов (трудовых мигрантов) находились в странах происхождения, чтобы «переждать трудности» (см.: [Денисенко, Мукомель, 2020]), однако из нашей подвыборки они были исключены.

¹¹ Обследование проводилось «снежным комом» в 19 субъектах РФ по выборке, основанной на данных Центрального банка учета иностранных граждан и лиц без гражданства (ЦБДУИГ).

¹² Анкеты в обследованиях не полностью идентичны; для данного исследования использованы переменные, которые есть во всех трех опросах.

(отобраны варианты ответов: учусь; работаю). Уточняющего вопроса о типе образовательного учреждения не задавалось.

В данной работе мы различаем понятия адаптации и интеграции мигрантов. Подобное разделение используется в подходах отечественных авторов, изучающих тему иммиграции (в отличие, например, от европейских коллег). Адаптация понимается как поверхностное приспособление к нормам и традициями страны приема, а интеграция предполагает процесс встречного движения культур принимающего социума и мигрантов, ответственность за который лежит как на мигрантах, так и на принимающем обществе [Мукомель, 2016]. Мигранты должны активно участвовать в процессе интеграции без потери собственной идентичности. Под интеграционными установками, соответственно, мы будем понимать готовность и ориентацию мигрантов на то, чтобы остаться в стране приема и на поиск точек соприкосновения между родной культурой и культурой принимающего социума.

Исходя из эмпирических данных, можно выделить два основных ограничения исследования. Во-первых, наших респондентов можно назвать как минимум условно адаптированными, поскольку анкета была на русском языке и отвечающие владеют им в той или иной мере. Во-вторых, исследование не было посвящено собственно иностранным студентам, мы анализируем образовательных мигрантов в общем внешнем потоке, что обеспечивает возможность их сравнения с трудовыми. По этой же причине в работе не затрагиваются вопросы непосредственно учебной жизни, способов поступления, форм обучения и т.п.

Социально-демографические профили образовательных и трудовых мигрантов. Ввиду обозначенных ограничений исследования, следует описать профили двух сравниваемых групп по основным социально-демографическим характеристикам.

Страны исхода образовательных и трудовых мигрантов несколько различаются (табл. 1). Значительная часть первых в нашей выборке – из Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана. Стоит отметить: из Казахстана при наличии образовательных мигрантов очень

Таблица 1
Страны исхода образовательных и трудовых мигрантов, в %

Страна исхода	2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Азербайджан	7,1	2,9	5,9	3,8	12,5	1,2
Армения	0,5	2,9	7,8	6,7	15	2
Беларусь	4,1	3,6	0	8,8	11,3	3,3
Грузия	1	0,4	0,7	1,3	2,5	0,1
Казахстан	25,4	2,2	15,7	9,7	3,8	1,1
Кыргызстан	5,6	16,8	1,3	10,5	20	32,8
Молдова	3,6	5,6	5,9	11,3	0	1
Таджикистан	14,7	22,3	25,5	19,7	16,1	26,8
Туркменистан	0	0	3,3	0,8	0	0
Узбекистан	11,2	30,3	28,8	15,5	18,8	30,5
Украина	25,9	12,8	2,6	10,5	0	1
Другая	0,9	0,2	2,5	1,4	0	0,2
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Здесь и далее: ОМ – образовательный мигрант, ТМ – трудовой мигрант.

Таблица 2

Социально-демографические характеристики образовательных и трудовых мигрантов, в %

Социально-демографические характеристики	2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
<i>Возраст</i>						
до 19 лет	32	4,6	21,9	2,1	66,4	5
20–24 года	53,3	35,6	56,1	25	28,9	38,6
25–30 лет	14,7	59,9	14	72,3	5,1	56,5
	χ^2 Пирсона = 313,858***		χ^2 Пирсона = 158,818***		χ^2 Пирсона = 779,036***	
<i>Пол</i>						
Мужской	62,9	78,5	72,3	82,4	60	79,4
Женский	37,1	21,5	27,7	17,6	40	20,6
	χ^2 Пирсона = 26,177***		χ^2 Пирсона = 5,746**		χ^2 Пирсона = 16,971***	
<i>Уровень образования</i>						
Среднее общее и ниже	47,7	57,1	18,1	39,4	57,5	66,3
Начальное профессио-нальное	2,5	5,4	4,5	5	6,3	6,7
Среднее профессио-нальное	8,1	21,2	12,9	21,8	6,3	15,8
Неполное высшее	27,9	2,7	37,4	8,8	26,3	2,9
Высшее	13,2	13,5	27,1	25,1	3,8	8,3
Нет ответа	0,6	0,1	0	0	0	0
	χ^2 Пирсона = 321,780***		χ^2 Пирсона = 56,693***		χ^2 Пирсона = 210,515***	

Примечание. Здесь и далее: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

мало трудовых, но в выборке 2023 г. образовательных мигрантов значительно меньше по сравнению с 2017 и 2020 гг. Из Таджикистана и Узбекистана много и трудовых, и образовательных мигрантов; при значительном числе образовательных мигрантов с Украины в 2017 г., в выборке 2023 г. они отсутствуют.

Подавляющее большинство образовательных мигрантов прибывает из столиц стран исхода, а также больших (более 100 тыс. жителей) городов – 28,7 и 49,2% соответственно (среди трудовых соответствующие показатели – 15,5 и 43,7%). Среди трудящейся иностранной молодежи, напротив, больше выходцев из малых (менее 100 тыс. жителей) городов и сел – 30,7 и 10,1%. Для иностранных студентов эти показатели составляют 17,4 и 4,6% соответственно (данные 2017 г.).

При определении границ возраста у подвыборки трудовых мигрантов мы ориентировались на возрастной диапазон образовательных мигрантов в наших данных. Однако стоит учитывать, что большая часть последних находится в возрасте активного получения образования, то есть до 24 лет, в то время как трудящаяся иностранная молодежь распределена по разным диапазонам (табл. 2). Имеются различия и по полу: среди трудовых

мигрантов подавляющее большинство (78–82%) – мужчины; представленность женщин в подвыборке образовательных доходит до 40% (табл. 2).

Вопрос об образовании демонстрирует некоторое смещение в обследовании 2020 г., характерное для онлайн-опросов – в сторону людей с высшим (в т.ч. неполным) образованием, что особенно видно на подвыборке трудовых мигрантов (по сравнению с 2017 и 2023 гг., табл. 2). Образовательные мигранты, если выбирали образование выше общего среднего, скорее отвечали о получаемом уровне, чем о завершенном¹³.

Сроки пребывания образовательных мигрантов могут регулироваться периодом обучения, трудящиеся иностранцы обычно сами определяют длительность поездок в зависимости от трудовой занятости и действующего законодательства. Наши подвыборки ограничены молодежью, поэтому длительность миграционной «карьеры» у двух изучаемых групп схожа: 55,7% образовательных и 60% трудовых мигрантов в выборке 2023 г. приехали в Россию не более 5 лет назад (в данных 2017 г. – 65,5 и 51,8% соответственно). Разница в том, что среди иностранных студентов 53% жили последний год в стране приема непрерывно (то есть все 12 месяцев), среди трудовых – 37,5%. То есть трудящаяся иностранная молодежь чаще выезжает на родину.

Социально-экономические и социокультурные аспекты адаптации мигрантов. Поскольку мы не затрагиваем подробности основной деятельности образовательных мигрантов (учебную жизнь, способы поступления, формы обучения), то останавливаться подробно на трудовой сфере (основной для ТМ) мы не будем. Это имело бы смысл, если бы значительная часть иностранных студентов сообщили, что помимо учебы осуществляют и трудовую деятельность. Однако таковых 16,2% в опросе 2017 г. (в 2020 г. – 0%, в 2023 г. – 6%). Это скорее можно назвать подработкой, поскольку учеба респондентами указана в качестве основного занятия. Имевшие подработку студенты в опросах 2017 и 2023 гг. отметили такие сферы, как «оптовая и розничная торговля», «деятельность домашних хозяйств», «гостиницы и рестораны», «транспорт и связь», «образование», «наука, ИТ, вычислительная техника». Подавляющее большинство (62,5%) подрабатывало на основе устных договоренностей, 34,4% – по письменному договору. Среди трудовых мигрантов соответствующие распределения 38,5 и 55,9%.

В ограничениях исследования мы указали, что респондентов можно назвать условно адаптированными ввиду знания языка принимающей страны (анкеты всех опросов были на русском), однако различия между образовательными и трудовыми мигрантами по этому параметру существенны. По оценкам интервьюеров, подавляющее большинство первых (более 70% по данным 2017 г. и более 65% – 2023 г.) владеют русским языком на «отлично» (табл. 3), среди вторых таковых менее трети (28–31%). Доля владеющих языком

Таблица 3

Оценка интервьюерами знания русского языка у образовательных и трудовых мигрантов, в %

Оценка знания русского языка респондентом	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Очень плохо 1	0	1,3	0	1,2
2	1,5	8,8	3,8	7,3
3	5,6	30	6	30,7
4	21,8	28,4	25	31,9
Очень хорошо 5	71,1	31,5	66,3	28,9
	χ^2 Пирсона = 143,090***		χ^2 Пирсона = 55,394***	

¹³ Об этом свидетельствуют дополнительные кросstabуляционные распределения с вопросом: «В какой стране вы получили это образование?»

Таблица 4

**Использование русского языка образовательными и трудовыми мигрантами
в разных сферах общения, в %**

«На каком языке вы чаще всего общаетесь в России...»	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
...с друзьями?				
На русском	70,6	27,6	62,5	15,3
На русском и другом в равной степени	26,4	43,5	28,7	49,2
На другом	3	28,7	8,8	35,4
Затруднились с ответом	0	0,2	0	0,2
	χ^2 Пирсона = 172,970***		χ^2 Пирсона = 120,320***	
...дома?				
На русском	56,9	23,9	33,8	10,2
На русском и другом в равной степени	34	25,4	47,5	24
На другом	9,1	49,9	18,8	65,3
Затруднились с ответом	0	0,8	0	0,6
	χ^2 Пирсона = 151,394***		χ^2 Пирсона = 81,357***	

принимающей стороны на элементарном уровне (ответ «очень плохо») у образовательных мигрантов и вовсе равна нулю в двух обследованиях.

Более низкая оценка уровня знания русского у образовательных мигрантов в 2023 г. по сравнению с 2017 г. очевидно связана с отсутствием в выборке студентов с Украиной. Однако даже при этом условии языковая адаптация студентов из постсоветских государств находится на высоком уровне.

Данные об использовании русского языка в разных сферах общения (табл. 4) демонстрируют, что у иностранных студентов, в отличие от трудящихся мигрантов, русский язык является основным в общении с друзьями (62–70%). В приватной сфере (домашнем общении) для обоих групп более характерно двуязычие, но образовательные мигранты чаще говорят на русском, чем трудовые.

Образовательные мигранты чаще, чем трудовые, приезжают в Россию с членами семьи (в других исследованиях подобная тенденция также фиксируется¹⁴). У трудовых мигрантов этот показатель достаточно устойчив во всех трех обследованиях – усредненно 60% одиночек на 40% приехавших в Россию с кем-либо из членов семьи. У образовательных он, очевидно, ситуативен. В 2017 г. студенты в 40% случаев приезжали в страну обучения с членами семьи, в 2020 г. во время пандемии этот показатель ожидаемо снизился до 32,3%. В 2023 г. в выборку попали главным образом те, кто живет в России не один (88,8%). Вероятно, это связано со сложной социально-политической обстановкой.

Сокращение в выборке студентов-одиночек повлияло и на распределение респондентов по жилищным условиям. Если в 2017 и 2020 гг. 42,6 и 53,5% соответственно жили в общежитиях, а в отдельных квартирах не более трети, то в выборке 2023 г. подавляющее большинство живет в отдельном жилье; фактически нет студентов из общежитий.

¹⁴ В исследовании Е.Б. Деминцевой показано, что зачастую иностранные студенты выбирают обучение в России как первый этап стратегии миграции всей семьи [Деминцева, 2016].

Таблица 5

Жилищные условия образовательных и трудовых мигрантов, в %

Жилищные условия	2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
<i>Тип жилья</i>						
Отдельный дом, часть дома	8,6	5,9	9	10,5	2,5	1,5
Отдельная квартира	33	38,6	20,6	35,1	72,5	24,2
Комната, часть квартиры	15,2	31,9	7,7	21,3	21,3	47,7
Комната в общежитии	42,6	18,3	53,5	9,6	3,8	26,2
Другое	0,5	5,2	2,5	7,1	0	3,5
Нет жилья	–	–	6,5	16,3	–	–
	χ^2 Пирсона = 89,345***		χ^2 Пирсона = 99,111***		χ^2 Пирсона = 75,977***	
<i>Условия проживания</i>						
Собственное жилье	7,1	3,5	11	11,3	20	1,3
Снимаю за деньги	57,9	71,8	45,2	54,4	58,8	72,2
Предоставил работодатель	6,6	19	2,6	9,6	0	22,4
Живу у партнера	0,5	1,1	0,6	3,3	0	0,7
Живу у родственников	13,2	4,2	3,2	2,9	21,3	3,2
Другое	14,7	0,5	37,5	18,4	0	0,2
	χ^2 Пирсона = 390,500***		χ^2 Пирсона = 78,409***		χ^2 Пирсона = 205,552***	

Примечание. Вариант «другое» у студентов в выборке 2020 г. – это общежитие.

Также образовательные мигранты чаще живут в собственном жилье (вероятно, принадлежащем семье) либо у родственников (табл. 5).

В вопросе документированности на территории РФ не наблюдается значимых различий относительно таких документов, как миграционный учет и миграционная карта (это общие документы для иностранцев). Однако среди образовательных мигрантов в выборках 2017 и 2023 гг.¹⁵ больше обладателей вида на жительство – 13,2 и 27,5% соответственно (у трудовых – 6,9 и 2,4%).

Сравнение интеграционных установок образовательных и трудовых мигрантов. Интеграционные установки связывают с наличием у иностранцев желания остаться в стране приема, их восприятием принимающего общества как места своей будущей жизни (что также предполагает идентификацию с ним). Такие намерения могут быть у мигранта до приезда в новую страну, а могут сформироваться в процессе миграции.

Образовательные и трудовые мигранты едут в Россию с разными планами и намерениями, часто совпадающими с основными видами деятельности – трудовой и образовательной

¹⁵ В 2020 г. ввиду пандемии коронавируса вносились изменения в режимы пребывания иностранцев в РФ.

Таблица 6

Планы образовательных и трудовых мигрантов в начале миграции
и на момент опроса, в %

Варианты ответов	2017		2023		2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
	«Какие планы были у вас, когда вы ехали в Россию первый раз?»				«А какие из них осуществились на сегодняшний день?»			
Найти хоть какую-нибудь работу	4,1	36,5	1,4	23	5,6	38,2	4,1	26,4
Найти работу с хорошим заработком	6,1	61	9,5	68,5	4,1	50,4	8,1	68,4
Найти работу, соответствующую моему опыту и квалификации	3	10,1	1,4	7,2	3	6,4	2,7	7,7
Получить/продолжить образование	87,3	7,5	67,6	6,7	84,8	3,9	81,1	4,1
Приобрести профессию, повысить квалификацию	8,6	5	16,2	8,3	5,6	2	16,2	8,1
Остаться жить в России / получить гражданство	–	–	2,7	4	–	–	16,2	2,9
Поехал(а) вместе с семьей / к семье, родственникам,	21,3	9,7	55,4	13,8	–	–	–	–
Другие планы*	11,2	8,2	0	5,5	4,6	3,5	4,1	4
Нет ответа, затруднились с ответом	2,5	3	2,7	1,6	9,1	5,2	8,2	2,1
Никакие планы не осуществились	–	–	–	–	3	3,1	2,7	0,5

Примечания. Оба вопроса – множественные и предполагают любое число ответов. * В т.ч. выйти замуж/жениться, найти пару; дать образование детям; избежать службы в армии; «бежать от войны».

(табл. 6). Попутно у иностранцев из обеих сравниваемых групп могут быть и другие планы, связанные, например, с поиском партнера или желанием избежать службы в армии, но они имеют гораздо меньшее значение. Также обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть образовательных мигрантов изначально едет в Россию с семьей либо к родственникам – 21,3% в опросе 2017 г. и 55,4% в обследовании 2023 г.

Помимо обобщенных планов, задавался вопрос о намерениях относительно проживания в России и стране исхода (миграционные намерения). И в 2017, и в 2023 гг. образовательные мигранты в 1,5–2 раза чаще, чем трудовые, выражали желание остаться в стране приема уже в начале миграции. Иностранные студенты, в отличие от трудящейся молодежи, фактически не планировали транснациональной стратегии миграции – жизни «и тут и там». Если спрашивать напрямую о планах после получения образования (как это было сделано в опросе 2023 г.), то примерно треть студентов-иностранцев (29,7%) в начале миграции намеревались вернуться на родину (табл. 7).

В процессе жизни в новой стране планы относительно постоянного проживания могут трансформироваться. У сравниваемых групп желание остаться в России укрепляется, но у образовательных мигрантов этот процесс более выражен. Стратегия «завершить образование и вернуться на родину» сокращается почти вдвое.

В процессе проживания в новой стране трансформируются не только миграционные намерения, но и чувства принадлежности к принимающему социуму и обществу от правления. При сравнении коллективных идентичностей образовательных и трудовых мигрантов можно выделить несколько моментов. У иностранных студентов более выражены идентичности, не связанные с гражданством, этничностью, религией, то есть они чаще ощущают близость поколенческую, профессиональную, экономическую (особенно

Таблица 7

**Миграционные намерения образовательных и трудовых мигрантов в начале миграции
и на момент опроса, в %**

Варианты ответов	2017		2023		2017		2020		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
	планы относительно проживания в РФ в первый приезд				планы относительно проживания в РФ на момент опроса					
Остаться в России на- всегда	46,7	29,7	24,3	10,7	51,8	36,8	39,4	53,1	37,8	15,5
Заработать денег и че- рез несколько месяцев вернуться	3,6	19,1	1,4	19	2,5	12,2	5,8	12,1	0	9,9
Поработать год-другой и вернуться	7,1	26,5	6,8	51	5,1	21,8	6,5	6,3	1,4	45,8
Постоянно ездить между Россией и родиной	16,2	19,2	6,8	10,8	14,7	22	21,3	19,2	9,5	20,1
Завершить образование и вернуться	–	–	29,7	1,9	–	–	–	–	17,6	1,4
Пожить в России и пере- ехать в другую страну	7,1	1	8,1	1,3	5,6	1	16,1	7,5	12,2	1,8
Другое	12,2	1,1	17,6	3	10,7	0,3	11	1,7	10,8	1,5
Затруднились с ответом	7,1	3,4	5,4	2,3	9,6	5,9	0	0	10,8	4
	χ^2 Пирсона = 266,053***		χ^2 Пирсона = 296,758***		χ^2 Пирсона = 323,277***		χ^2 Пирсона = 29,453***		χ^2 Пирсона = 227,204***	

Примечание. В обследовании 2020 г. вопроса о миграционных намерениях в начале миграции не задавали.

в обследовании 2017 г.). Этническая и религиозная идентичности у них фактически не различаются и по данным 2023 г., и по данным 2017 г. Кроме того, у обеих групп в 2023 г. выросла значимость религиозной идентичности (табл. 8).

Таблица 8

Коллективные идентичности образовательных и трудовых мигрантов, в %

«Часто ощущают единство, близость с...»	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
С людьми того же возраста, поколения	63,5	48,6	75	51,7
С людьми той же профессии, такого же рода занятий	56,3	47,8	50	59,4
С гражданами той страны, из которой приехали	52,3	59,6	63,7	63,9
С жителями города, села, в той стране, из которой приехали	53,8	60,8	58,8	63,1
Со всеми гражданами России	43,7	28,3	60	47
С жителями того города, села России, в котором сейчас живут	51,8	30,4	63,7	48,4
С людьми своей национальности	62,9	62,7	61,3	64,7
С людьми своей веры	55,3	57,2	66,3	69
С людьми такого же достатка	51,3	34,7	52,5	47,6

Таблица 9

Межэтнические установки образовательных и трудовых мигрантов, в %

«Вы согласны с мнением, что местные жители никогда не будут считать приезжих вашей национальности своими?»	2017		2023	
	ОМ	ТМ	ОМ	ТМ
Согласен	17,3	31,2	15	35,6
Скорее согласен	21,8	27,7	6,3	18,8
Скорее не согласен	25,9	14,8	12,5	13,8
Не согласен	26,4	12,1	53,8	18,9
Затрудняюсь с ответом	8,6	14,2	12,5	12,9
	χ^2 Пирсона = 62,785***		χ^2 Пирсона = 61,478***	

Однако ощущение близости с принимающим социумом (общероссийская и локальная российская идентичности) имеет существенные различия. Обе эти идентичности у образовательных мигрантов на 13–21 п.п. выше, чем у трудовых в обоих обследованиях. Вместе с тем гражданская идентичность страны исхода у иностранных студентов не слабее, чем у трудящейся иностранной молодежи (см. табл. 8).

Чувство принадлежности у образовательных мигрантов отчасти может быть связано с тем, что они реже испытывают воспринимаемую дискриминацию. Доля тех, кто за последний год не встречал неприязни по национальному признаку, составляет 67,5% против 54,2% у трудовых (данные 2023 г., различия значимы на уровне 0,01). Вероятно, поэтому уверенность образовательных мигрантов в том, что они смогут стать в России «своими», значительно выше, чем у трудящейся иностранной молодежи (табл. 9).

Мы предполагали, что значимым стимулом остаться в стране приема у образовательных мигрантов могут быть преференции в приобретении гражданства для получивших высшее образование в России. Однако наши данные о планах иностранных студентов получить постоянные документы в РФ показывают, что это справедливо лишь в некоторой мере. Доля образовательных мигрантов, которые заявили, что планируют в ближайшем или отдаленном будущем получить гражданство РФ, одинакова в исследованиях 2017 и 2023 гг. – 47%. Мы не можем сказать, с чем связаны подобные планы – с упрощенной натурализацией или с собственно желанием жить в России и поэтому получить гражданство РФ.

Выводы. Образовательные и трудовые мигранты – две основные группы добровольных мигрантов в странах приема, имеют разные цели и разные ресурсы. Образовательные мигранты по ряду рассмотренных в статье показателей действительно лучше адаптируются к принимающему обществу, чем трудящаяся иностранная молодежь. Адаптация к образовательной среде вуза (или другого учебного заведения), его инфраструктуре, коллективу, очевидно, влияет и на общую адаптацию в российском обществе. Однако во многом это базируется на успешной языковой адаптации и социальном капитале иностранных студентов, основу которого составляет наличие родственников в стране приема, которые помогают с жильем и подработкой.

Образовательные мигранты также имеют более долгосрочные планы в принимающей стране по сравнению с трудовыми. Молодые трудовые мигранты зачастую сосредоточены на быстром заработке и временных миграционных стратегиях, в то время как образовательные, обладая большим социальным капиталом, чаще концентрируются на долгосрочных целях. Учитывая данные о домохозяйствах образовательных мигрантов, условиях их проживания, намерениях в начале миграции, можно сказать, что одной из распространенных жизненных стратегий является «получение образования как шаг к долгосрочной миграции семьи». Однако это едва ли однозначно можно связывать

с преференциями в натурализации иностранцев, получивших высшее образование в России. Учитывая данные по российской идентичности (формирование чувства общности) и межэтническим установкам, можно сказать, что их намерения идут дальше просто поверхностного приспособления.

Важно уточнить, что данные по адаптации образовательных мигрантов и их интеграционным установкам более ситуативны (сильнее меняются в разные годы обследований). На это указывают результаты нашего исследования и статистика состава иностранных студентов в российских вузах, которая претерпевает изменения в текущей сложной социально-политической обстановке. Планы и намерения трудовых мигрантов более стабильны во времени, несмотря на экономические сложности (рост курса валют), ужесточение миграционного законодательства и усиление негативной направленности в дискурсе российских СМИ, объектом которого выступают трудовые, а не образовательные мигранты. Иностранные студенты, имея больший социальный капитал, возможности для обучения за пределами родины, очевидно, и более требовательны к социальной среде, которая будет окружать их в новом обществе, их планы более гибкие, в том числе в выборе страны обучения. Эти особенности нужно учитывать при разработке мер государственной миграционной политики в трудовой и образовательной сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилов К.А., Градировский С.Н., Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Яценко Е.Б. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / Под ред. К.А. Гаврилова, Е.Б. Яценко. М.: Наследие Евразии, 2012.
- Деминцева Е.Б. Образовательные траектории молодежи стран СНГ в Москве // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 82–87.
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637.
- Ишкунеева Ф.Ф., Озерова К.А., Кавеева А.Д., Ахметова С.А., Фурсова В.В. Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 35–54. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.444.
- Краснощеченко И.П., Ковдюк Д.П. Социально-психологическая адаптация студентов-мигрантов и трудовых мигрантов // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8–5 (39). С. 38–41.
- Лебедева Т.В. Влияние международной образовательной миграции на развитие современной системы высшего образования в Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. Т. 47. № 4. С. 23–39. DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1345.
- Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 414–416.
- Полетаев Д.В., Дементьева С.В., Зурабишвили Т.З. Потенциал учебной миграции в профессиональные образовательные организации в контексте новой миграционной политики // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2014. Т. 324. № 6. С. 118–125.
- Полетаев Д.В. Учебная миграция в Россию: существующие практики и возможные перспективы // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. Т. 10. С. 390–406.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295–334. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632.
- Рязанцев С.В., Очирова Г.Н. Трансформация международной образовательной миграции во время пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.3.
- Скоробогатова В.И. Правовое регулирование трудоустройства иностранных студентов и выпускников: зарубежный и российский опыт // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 246–255. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-246-255.
- Тарадина Л.Д., Шлентова А.Е., Ивашкевич А.А. Трансформация академической привлекательности стран в условиях пандемии // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 1. С. 117–130. DOI: 10.15826/umpa.2021.01.009.

Хороших В.В., Логачева Э.А. Карьерные планы иностранных студентов, обучающихся в России // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. Вып. 4. С. 241–250. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-29.

Шитова Н.Б. Образовательная миграция в России: концептуальные вопросы правового регулирования // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 98–111. DOI: 10.12737/jrl.2020.083.

Kong L. Balancing Spirituality and Secularism, Globalism and Nationalism: The Geographies of Identity, Integration and Citizenship in Schools // Journal of Cultural Geography. 2013. Vol. 30. № 1. P. 276–307. DOI: 10.1080/08873631.2013.834120.

Статья поступила: 06.08.24. Финальная версия: 14.10.24. Принята к публикации: 19.11.24.

EDUCATIONAL AND LABOR MIGRANTS FROM POST-SOVIET COUNTRIES: ADAPTATION IN RUSSIAN SOCIETY AND INTEGRATION ATTITUDES

A.A. ENDRYUSHKO

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russia

Anna A. ENDRYUSHKO, Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (anna.endryushko@mail.ru).

Abstract. The article offers a comparative analysis of adaptation in Russian society and integration attitudes of two external migrants groups: educational and young working (aged 16–30). Based on the three (2017, 2020, 2023) sociological surveys data of foreign citizens from post-Soviet states, the author examines socio-economic and socio-cultural aspects of adaptation in Russian society of educational and labor migrants comparing their integration attitudes, which imply not only the desire to stay living in Russia, but also the search for common ground between their native culture and the culture of the host society. It is shown that according to a number of indicators (the main being a good knowledge of the Russian language), educational migrants adapt better to the host society than working foreign youth. They also have longer-term plans in Russia, and their intentions go beyond superficial adaptation. At the same time, having social capital, they are more demanding for the social environment that surrounds them in the new society. Their plans may be more flexible and situational than those of labor migrants, including reorientation towards other countries.

Keywords: immigration, educational migration, labor migration, adaptation of migrants, integration attitudes, foreign students, all-Russian identity, interethnic attitudes.

REFERENCES

- Demintseva E.B. (2016) Educational Trajectories of Youth from the CIS Countries in Moscow. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 82–87. (In Russ.)
- Denisenko M.B., Mukomel V.I. (2020) Labor Migration in Russia During the Coronavirus Pandemic. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 3(7): 87–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637. (In Russ.)
- Gavrilov K.A., Gradirovskij S.N., Pis'mennaya E.E., Ryazancev S.V., Yacenko E.B. (2012) *Educational Migration from the CIS and Baltic Countries: Potential and Prospects for Russia*. Ed. by K.A. Gavrilov, E.B. Yacenko. Moscow: Fond Nasledie Evrazi. (In Russ.)
- Iskineeva F.F., Ozerova K.A. (2017) The International Nature of Modern education: Foreign Students' Adaptation to Russian Universities. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 1(8): 35–54. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.444. (In Russ.)
- Khoroshikh V.V., Logacheva E.A. (2021) Career Plans of Foreign Students Studying in Russia. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: Psychological Research in Education]. Iss. 4: 241–250. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-29. (In Russ.)
- Kong L. (2013) Balancing Spirituality and Secularism, Globalism and Nationalism: The Geographies of Identity, Integration and Citizenship in Schools. *Journal of Cultural Geography*. No. 1(30): 276–307. DOI: 10.1080/08873631.2013.834120.
- Krasnoshchekchenko I.P., Kovdyuk D.P. (2015) Social and Psychological Adaptation of Migrant Students and Labor Migrants. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. [International research journal]. No. 8–5 (39): 38–41.

- Lebedeva T.V. (2020) The Impact of International Educational Migration on the Development of the Modern Higher Education System in the Russian Federation. *Vektry blagopoluchiya: ekonomika i socium* [Vectors of Well-Being: Economy and Society]. No. 4(47): 23–39. DOI: 10.18799/26584956/2022/4/1345. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2016) Adaptation and Integration of Migrants: Methodological Approaches to Assessing the Effectiveness and the Role of the Host Society. In: Gorshkov M.K. (ed) *Russia under reform: yearbook*. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Novyj hronograf: 414–416. (In Russ.)
- Poletaev D.V. (2012) Educational Migration to Russia: Existing Practices and Possible Prospects. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. No. 10: 390–406. (In Russ.)
- Poletaev D.V., Dementeva S.V., Zurabishvili T.Z. (2014) Potential of Educational Migration to Professional Educational Organizations in the Context of the New Migration Policy. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov* [Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Georesources engineering]. No. 6(324): 118–125. (In Russ.)
- Rocheva A.L., Varshaver E.A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: a Russian Case. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 295–334. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632. (In Russ.)
- Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. (2021) Transformation of International Educational Migration During the COVID-19 Pandemic. *Social'noe prostranstvo* [Social area]. No. 4(7). DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.3. (In Russ.)
- Shitova N.B. (2020) Educational Migration in Russia: Conceptual Issues of Legal Regulation. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. No. 7: 98–111. DOI: 10.12737/jrl.2020.083. (In Russ.)
- Skorobogatova V.I. (2021) Legal Regulation Of Foreign Students And Graduates Employment In Russia and Abroad. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy]. No. 1(138): 246–255. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-1-246-255. (In Russ.)
- Taradina L.D., Shlentova A.E., Ivashkevich A.A. (2021) Transformation of the Academic Attractiveness of Countries in the Context of a Pandemic. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. No. 1(25): 117–130. DOI: 10.15826/umpa.2021.01.009. (In Russ.)

Received: 06.08.24. Final version: 14.10.24. Accepted: 19.11.24.